

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2022.36.84.039

Онтологические компоненты доступности природных ресурсов для коренного населения

Смирнова Светлана Михайловна

Старший преподаватель,
кафедра Естественно научных дисциплин и высшей математики,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: Oos39@mail.ru

Шастун Тамара Александровна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры естественнонаучных дисциплин и высшей математики,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: shastun-ta@yandex.ru

Аннотация

В работе показано, что онтологическими компонентами обеспечения природными ресурсами территорий компактного проживания коренного населения являются концепция значимости сохранения традиционного уклада жизни, которая предполагает, что данные народы находятся в более уязвимом отношении по сравнению с населением, включенным в современные экономические отношения. Показано, что наличие доступности к природным ресурсам является условием выживания их в современных условиях. При этом отсутствие дополнительной прибыли, получаемой в результате использования природных ресурсов земель компактного проживания коренного населения является допустимым ограничением развития национальной экономики для всех стран мира. На примере собственности на водные ресурсы Австралии было показано, что реформа доступа к водным ресурсам позволила сформировать рынок воды, что позволило организациям коренных народов получить дополнительную прибыль. Однако экологические ограничения на лицензии на воды с начала 1980-х фактически прекратили доступ к водным ресурсам для коренного населения. Поэтому эффективность реализации положений Закона о правах аборигенов на землю в 1983 году была несущественной, в том числе и из-за существенных ограничений на качество земель (только не пригодные для проживания и возделывания). В начале 21 века коренные народы получили права на водные ресурсы на основании положений «прибрежного права» и соответствующих лицензий на продажу и использование водных ресурсов. С помощью этих положений организации аборигенов получили лицензии на водные ресурсы. Это схемы приобретения земель аборигенами правительствами штатов и федеральных органов власти. Покупка недвижимости могла бы стать эффективным средством получения большего количества прав на воду, поскольку земля, доступная для покупки, могла иметь лицензии на воду, но этот потенциал был ограничен.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнова С.М., Шастун Т.А. Онтологические компоненты доступности природных ресурсов для коренного населения // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 240-247. DOI: 10.34670/AR.2022.36.84.039

Ключевые слова

Водные ресурсы, онтологические компоненты, коренное население, традиционный уклад жизни, природные ресурсы.

Введение

Проблемы сохранения традиционного уклада жизни коренного населения, в частности, к ним относятся онтологические компоненты доступности природных ресурсов в условиях, когда они могут быть использованы более «эффективно» для реального сектора экономики или потребления урбанизированными территориями. Эти проблемы социальной жизни может решаться только посредством философского знания.

Одновременно с развитием гуманитарной компоненты общественных отношений стал осуществляться поиск институциональной модели обеспечения прав коренного населения, признания, возможностей их обеспечения. В исследованиях в области экономики, социологии и права является доказанным то положение, что во многих странах, где находится не ассимилированное коренное население повсеместно нарушаются различные виды прав на территории ведения традиционный образ жизни в той или иной форме. Это могло проявляться как различных формах ограничений доступа к земельным ресурсам, так и посредством загрязнения таких природных ресурсов как земли, воды и воздуха.

Основное содержание

Онтологической составляющей защиты прав коренных народов на природные ресурсы является необходимость обеспечения прав владения на ресурсы, на которых находятся места компактного проживания и ведения традиционных видов деятельности коренного населения. Во второй половине 20 века в международных конвенциях было закреплено, что соблюдение прав на традиционный уклад жизни является наиболее значимым фактором их развития. Для реализации данных концепций в региональном законодательстве многими странами были признаны в различных трактовках права коренных народов на пользование поверхностью земли или недрами.

Эволюционно процесс колонизации представлял собой последовательное сокращения полного объема прав на природные ресурсы коренного населения. Все это привело к необратимым последствиям для традиционных промыслов коренного население, стало причиной разрушения общин, развитию девиантного поведения и социально опасных явлений, в первую очередь алкоголизма. В мировой практике в ряде случаев была предложена компенсация за потерю земельных ресурсов, которые изымались для промышленной обработки и использования недр. В современных исследованиях было показано, что анализ тенденций в реформе землевладения коренных народов и присвоении титулов коренным народам указывает на воздействие значительного количества механизмов на социальные институты и условия

жизни коренного населения, а также на способы распределения земли.

Современные международные стандарты в области прав человека в настоящее время рассматривают право на землю как основной фактор устойчивого развития коренных народов. В вопросах развития правового статуса коренных народов именно проблема собственности земли стала основным направлением в конце 20 века.

Хотя последствия реституции пространственные неравномерны как между государствами-поселенцами, так и внутри них, коренные народы сегодня управляют или имеют права владения более чем четвертью земной поверхности мира. В Австралии, где коренным народам были возвращены права коренному населению над территориями, составляющими не менее 30% земель континента в форме законных прав на землю и титулов коренных народов. В Латинской Америке государства также расширили новые режимы прав собственности, трансформировав способ признания прав коренных народов и сопутствующих моделей коллективной собственности. Латиноамериканские государства в настоящее время признают права коренных народов и выходцев из Африки на владение около 200 миллионов гектаров земли.

Большинство племен коренных американцев имеют земли с нерешенными претензиями на подземные воды на западе США, где водоснабжение становится все более напряженным, а решения о распределении воды сильно оспариваются. То есть и в настоящее время данная проблема является весьма актуальной во многих странах мира. Таким образом, как землевладение, так и владение водными ресурсами являются важными правами собственности, которые формируют регулирование политической экономики региона.

Устоявшаяся система государственного регулирования доступа к ресурсам привела к тому, что для обеспечения прав на землю в некоторых случаях представители коренных народов осуществляли в течение десятилетий. В настоящее время вопросы защиты прав коренного населения в отношении прав на иные природные ресурсы являются нерешенными. В частности, эта проблема касается обеспечения доступа к таким дефицитным ресурсам как водные по отношению к аборигенам Австралии.

Практически во всём мире признали абсолютные или общие права коренных народов на использование поверхности или недр и в некоторых случаях компенсировали коренным народам потерю территории. А также были введены процедуры рассмотрения претензий на землю и урегулирования споров для возвращения земель коренным народам,

Политические, нормативные и административные рамки, которые когда-то совместно регулировали земельные и водные ресурсы, часто развивались в относительной изоляции друг от друга. Анализ тенденций в реформе землевладения коренных народов и присвоении титулов коренным народам показывает влияние целого ряда механизмов на социальные институты и условия жизни населения, а также на модели реализации прав на земельные ресурсы. Однако, в отношении иных ресурсов, таких как водные, данный механизм фактически не изучен. В современном праве выявлено существенно меньше данных о влиянии этих механизмов на права коренных народов на воду (поверхностные или подземные воды) или о том, каким образом другие глобальные процессы, которые перестраивают права на воду, влияют на коренные народы. Относительное отсутствие внимания к правам коренных народов на воду может быть частично объяснено тем фактом, что во многих юрисдикциях права на воду рассматривались государствами как вспомогательный компонент прав владения землей, а в регионах, где воды много, может быть мало необходимости в регулировании владения водой.

Значимость данного ресурса делает рассмотрение прав на воду не менее значимыми, чем права коренных народов. Сущность прав на землю и воду и порядок их распределения имеют

последствия для их современного использования и управления, а также для социальных и экономических условий коренных народов, ведущих традиционный образ жизни.

Это хорошо видно на примере эволюции прав на воду коренного населения Австралии. До британской оккупации в Австралии существовало множество и разнообразных систем права собственности на землю. Процесс создания и предоставления земли поселенцам — без учета систем землевладения коренных народов — стал причиной процесса лишения собственности. Британцы не признавали и не стремились защищать эти традиционные системы, касающиеся как земли, так и воды, и они не заключали официальных договоров с коренными народами. Расширение скотоводческих поселений вдоль водных путей оказало сильное давление на землепользование аборигенов, радикально изменив страну, а конкуренция за землю и особенно воду ускорила конфликт. В результате локальных конфликтов коренное население Австралии было сильно сокращено. Согласно экономическим исследованиям, в колониальный период большая часть богатства Австралии была основана на эксплуатации водных ресурсов для добычи полезных ископаемых, городского водоснабжения, а затем и орошаемого земледелия.

Австралийские колонии придерживались законодательства, основанного на английском общем праве, согласно которому существовал «прибрежный режим» предоставлял права на использование воды из ручьев и рек соседним (прибрежным) землевладельцам, преимущественно скотоводам.

С конца 19 и начале 20 веков колониальные Правительства предоставили английскому правительству прямой контроль над водными ресурсами, чтобы стимулировать расширение сельского хозяйства. Все это стало причиной централизации управления водными ресурсами и создания специализированного органа – Национальной комиссии по водным ресурсам. Общины аборигенов не обладали землей, поэтому не имели права осуществлять прибрежные права общего права, в то время как колонизаторы пользовались гарантией «разумного использования» воды, а также существенными государственными субсидиями для создания фермерских хозяйств.

В 20 веке органы государственного управления выделяли воду через установленные законом системы подачи заявок на получение лицензий, где потенциальные пользователи подавали заявки на получение прав на воду с минимальными затратами. При этом количество отказов было незначительным. В это же время были реализованы государственные инвестиции в ирригационные мероприятия и регулирование рек, включая строительство крупных плотин, а также многих плотин и шлюзов. Торговые права на доступ к воде, появившиеся в конце двадцатого века, были основаны на этих первоначальных лицензиях и разрешениях на забор воды.

Одной из основных заявленных целей резерваций аборигенов, куда вплоть до середины двадцатого века колониальные власти переселяли все большее число коренных народов, было ведение сельского хозяйства и сельскохозяйственная деятельность, которые частично предназначались для содействия самообеспечению в рамках более широкой программы ассимиляции. Однако размер данных резерваций постоянно сокращался в условиях политического давления крупных землевладельцев.

В колониальной истории Австралии резервация служила местом исключительного проживания коренных племен, созданных и контролируемых правительствами для обеспечения безопасности территории. При этом, данным племенам не были переданы права на землю, на которой они проживали. Процессы расселения, сдерживания, регулирования и ассимиляции значительно снизили способность коренных народов использовать свои земли и водные

ландшафты, что оказало глубокое воздействие на способность народов сохранить культурные ценности.

И только с середины 20 века, под давлением общественного движения, новые типы корпоративной собственности на имущество, создали определенную степень автономии коренных народов в вопросах земли и окружающей среды. К 80 годам 20 века сформировать законодательство, позволяющего сохранять права на природные ресурсы коренных народов, но перед этим права на землю были представлены парламентам штатов во всех юрисдикциях.

В это же время законодательство установило процесс определения требований, передачи земли (которая иногда включала права собственности на воду или другие активы) вновь созданным Земельным советам коренных народов и оказания поддержки этим земельным советам в приобретении земли. В период с момента его введения Закона о правах аборигенов Нового Южного Уэльса 1983 года, обеспечило положительное решение на около 2500 заявок на землю (общей площадью 127 000 га). Это составляет всего около 0,15 % от всего штата, или 0,4 % от наследственного имущества штата и несопоставимо с размером владений коренных народов, возвращенных в соответствии с некоторыми другими законодательными схемами прав на землю.

Заповедники, переданные в 1983 году, составляли менее четверти земель, которые Новый Южный Уэльс исторически зарезервировал для коренных народов. Указанный нормативный акт не содержит каких-либо определенных положений о правах на воду, но его механизмы позволили некоторым организациям коренных народов приобретать воду, однако он предусматривал автоматическую передачу земель, которые в то время находились в ведении Земельного фонда аборигенов, большая часть которых была бывшей резервной землей. Как упоминалось выше, эти исторические заповедники служили ключевыми сельскохозяйственными базами, а некоторые из них включали права доступа к воде. Эти передачи резервных земель обычно включали лицензии на водные ресурсы, разрешающие использование скота и домашних хозяйств, в некоторых случаях сельское хозяйство. Таким образом, данная земля, доступ к которой был предоставлен с середины 1980-х годов, не позволял получить какой-либо лицензированный доступ к воде. Возможно, наиболее важно то, что с 1982 года правительство Нового Южного Уэльса постепенно вводило эмбарго на новые лицензии на воду в регулируемых системах, чтобы снизить экологическую нагрузку на водные ресурсы. Однако Согласно разделу 36 Закона о правах аборигенов Нового Уэльса 1982 года, претендовать можно только на пустующие, неиспользуемые земли Англии. Это земли, которые «не нужны и вряд ли понадобятся» в качестве жилых земель или основных общественных целей и «не используются или не заняты законно». По существу, пустующий и неиспользуемый (и в значительной степени непродуктивный) характер земли, на которую претендуют, резко контрастирует с типом земли, к которой были привязаны права на воду (т.е. обрабатываемая земля).

Поскольку потребности в воде начали превышать среднее предложение, некоторые юрисдикции ввели эмбарго на выдачу новых лицензий и начали реформировать права на воду и внедрять новые формы собственности на воду, среди других изменений, характерных для неолиберальной политики в области ресурсов. Интерес к рынкам как средству более эффективного распределения воды также усилился, и к концу 20 века торговля водой сформировалась как крупный рынок природных ресурсов. Эти реформы стали причиной участия в торговле организаций коренных народов. Всё это привело значительному изменению способа управления водными ресурсами.

Кроме того, в ряде стран и регионов государства приватизируют воду для решения проблемы ее нехватки. Система распределения воды в каждом штате обычно определяет бассейны воды, доступные для потребления, и распределяет воду владельцам прав. Каждый водный сезон (с июля по июнь) вода распределяется в процентах от объема водных ресурсов, исходя из наличия воды в хранилищах, ожидаемого притока и других факторов. Права на воду существуют как в регулируемых системах (преимущественно на юге, где потоки контролируются с помощью инфраструктуры, которая хранит и выпускает воду, так и в нерегулируемых системах. В настоящее время государства устанавливают более строгий контроль над водными ресурсами и создают сложные механизмы регулирования для облегчения распределения прав на воду.

С середины 20 века, под давлением общественного движения, новые типы корпоративной собственности на имущество, создали определенную степень автономии коренных народов в вопросах земли и окружающей среды

В 1983 году законодательство ретроспективно легализовало эти незаконные земельные владения наряду с принятием Закона о правах аборигенов Нового Южного Уэльса 1983 года.

Заключение

Таким образом, онтологическими компонентами обеспечения природными ресурсами территорий компактного проживания коренного населения являются концепция значимости сохранения традиционного уклада жизни, которая предполагает, что данные народы находятся в более уязвимом отношении по сравнению с населением, включенным в современные экономические отношения. Показано, что наличие доступности к природным ресурсам является условием выживания их в современных условиях. При этом отсутствие дополнительной прибыли, получаемой в результате использования природных ресурсов земель компактного проживания коренного населения является допустимым ограничением развития национальной экономики для всех стран мира.

На примере собственности на водные ресурсы Австралии было показано, что реформа доступа к водным ресурсам позволила сформировать рынок воды, что позволило организациям коренных народов получить дополнительную прибыль. Однако экологические ограничения на лицензии на воды с начала 1980-х фактически прекратили доступ к водным ресурсам для коренного населения. Поэтому эффективность реализации положений Закона о правах аборигенов на землю в 1983 году была несущественной, в том числе и из-за существенных ограничений на качество земель (только не пригодные для проживания и возделывания).

В начале 21 века коренные народы получили права на водные ресурсы на основании положений «прибрежного права» и соответствующих лицензий на продажу и использование водных ресурсов. С помощью этих положений организации аборигенов получили лицензии на водные ресурсы. Это схемы приобретения земель аборигенами правительствами штатов и федеральных органов власти. Покупка недвижимости могла бы стать эффективным средством получения большего количества прав на воду, поскольку земля, доступная для покупки, могла иметь лицензии на воду, но этот потенциал был ограничен.

Библиография

1. Абдулшехидова Х.Э. Формирование экологического мировоззрения дошкольников раннего возраста через дидактические игры // Вестник педагогических наук. 2021. № 3. С. 59 – 63.

2. Афанасьева О.Ю. Некоторые аспекты подготовки специалистов-экологов по химии // Вестник педагогических наук. 2021. № 1. С. 18 – 22.
3. Егоров А. М. Административное устройство и система управления британских колоний в Вест-Индии / А. М. Егоров, И. А. Егоров // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 2. С. 117-122.
4. Заболотня Д.Ю. Уровни ориентирующего воздействия креолизованных текстов экологической рекламы // Современный ученый. 2021. № 4. С. 162 – 167.
5. Мищенко О.А. Анализ удовлетворенности обучающихся и меры по совершенствованию образовательного процесса в области подготовки специалистов экологии и природопользования // Вестник педагогических наук. 2021. № 4. С. 195 – 203.
6. Огородников А.Ю. Становление инновационного потенциала руководителей в системе образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 4. С. 28-34.
7. Огородников А.Ю. Интериоризация ценностей как форма становления субъекта социальных отношений // Социология власти. 2012. № 1. С. 98-104.
8. Огородников А.Ю. Роль интериоризации ценностей в становлении целостности личности // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2014. № 2. С. 3-6.
9. Огородников А.Ю., Чурин В.В. Аксиологические основания рисков социального участия в условиях глобализации// Информационное общество. 2016. № 6. С. 19-24.
10. Усачев А.В., Усачева И.Н., Петрищева Т.Ю. Экология на современном этапе средне-профессионального образования // Современный ученый. 2021. № 6. С. 138 – 143.

Ontological components of accessibility of natural resources for the indigenous population

Svetlana M. Smirnova

Senior Lecturer,
Department of Natural Sciences and Higher Mathematics,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, 80 Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Oos39@mail.ru

Tamara A. Shastun

PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of natural sciences and higher mathematics,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80 Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shastun-ta@yandex.ru

Abstract

The paper shows that the ontological components of providing natural resources to the territories of compact residence of the indigenous population are the concept of the importance of preserving the traditional way of life, which assumes that these peoples are in a more vulnerable relationship compared to the population included in modern economic relations. It is shown that the availability of access to natural resources is a condition for their survival in modern conditions. At the same time, the lack of additional profit resulting from the use of natural resources of the lands of compact residence of the indigenous population is an acceptable restriction on the development of the national economy for all countries of the world. Using the example of ownership of water resources in

Australia, it was shown that the reform of access to water resources allowed the formation of a water market, which allowed indigenous organizations to gain additional profit. However, environmental restrictions on water licenses since the early 1980s have effectively stopped access to water resources for the indigenous population. Therefore, the effectiveness of the implementation of the provisions of the Law on the Rights of Aborigines to Land in 1983 was insignificant, including due to significant restrictions on the quality of land (only not suitable for habitation and cultivation). At the beginning of the 21st century, indigenous peoples obtained rights to water resources on the basis of the provisions of "coastal law" and the corresponding licenses for the sale and use of water resources. With the help of these provisions, Aboriginal organizations have obtained licenses for water resources. These are schemes for the acquisition of Aboriginal land by state and federal governments. Buying real estate could be an effective means of obtaining more water rights, since the land available for purchase could have water licenses, but this potential was limited.

For citation

Smirnova S.M., Shastun T.A. (2022) Ontologicheskie komponenty dostupnosti prirodnykh resursov dlya korennoogo naseleniya [Ontological components of accessibility of natural resources for the indigenous population]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 240-247. DOI: 10.34670/AR.2022.36.84.039

Keywords

Water resources, ontological components, indigenous population, traditional way of life, natural resources

References

1. Abdulshekhidova H.E. Formation of the ecological worldview of preschool children of early age through didactic games // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2021. No. 3. pp. 59 – 63.
2. Afanasyeva O.Yu. Some aspects of the training of environmental specialists in chemistry // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2021. No. 1. pp. 18 – 22.
3. Egorov A.M. Administrative structure and management system of the British colonies in the West Indies / A.M. Egorov, I. A. Egorov // Historical Bulletin. 2021. Vol. 4. No. 2. pp. 117-122.
4. Zabolotnyaya D.Yu. Levels of orienting influence of creolized texts of ecological advertising // Modern scientist. 2021. No. 4. pp. 162-167.
5. Mishchenko O.A. Analysis of student satisfaction and measures to improve the educational process in the field of training specialists in ecology and nature management // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2021. No. 4. pp. 195 – 203.
6. Ogorodnikov A.Yu. Formation of innovative potential of managers in the education system // Innovative projects and programs in education. 2015. No. 4. pp. 28-34.
7. Ogorodnikov A.Yu. Interiorization of values as a form of formation of the subject of social relations // Sociology of power. 2012. No. 1. pp. 98-104.
8. Ogorodnikov A.Yu. The role of interiorization of values in the formation of the integrity of personality // Municipal education: innovations and experiment. 2014. No. 2. pp. 3-6.
9. Ogorodnikov A.Yu., Churin V.V. Axiological bases of risks of social participation in the conditions of globalization// Information Society. 2016. No. 6. pp. 19-24.
10. Usachev A.V., Usacheva I.N., Petrishcheva T.Yu. Ecology at the present stage of secondary vocational education // A modern scientist. 2021. No. 6. pp. 138 – 143.